

УДК 338.242.4

Взаимодействие образования и бизнеса в России: изменение системы координат

Дмитрий Г. Кочергин ^{a, @, ID}

^a Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, 650070, Россия, г. Кемерово, ул. Тухачевского, 38 А
[@] dmitry887@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-5734-5566>

Поступила в редакцию 14.11.2018. Принята к печати 17.01.2019

Аннотация: Несистемная адаптация российского образования к рыночным принципам функционирования привела к формированию системных проблем. Одна из них связана с дистанцированием бизнеса от участия в подготовке квалифицированных кадров на базе государственных профессиональных образовательных организаций. Целью статьи является исследование теоретических оснований взаимодействия государственных структур с бизнес-сообществом, специфики и перспектив такого взаимодействия в сфере образования в России. Проведенный анализ позволил установить, что в последние десятилетия в области концептуализации взаимодействия образования и бизнеса в России термин *социальное партнерство* уступает место термину *государственно-частное партнерство*. Наблюдается переход от этического обоснования необходимости участия бизнеса в социальной сфере, характерного для социалистической экономической модели, к рационально-экономическому, свойственному рыночной модели. В условиях отсутствия в России институциональных механизмов, принуждающих бизнес к социально ответственному поведению, взаимодействие образовательных организаций и бизнес-структур должно строиться на основе создания индивидуальных экономических выгод для обеих сторон.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, социальное партнерство, образовательная организация, проблема безбилетника, подготовка кадров, профессиональное образование, дуальное обучение

Для цитирования: Кочергин Д. Г. Взаимодействие образования и бизнеса в России: изменение системы координат // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 1. С. 90–97. DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-1-90-97

Введение

Вопросы выбора целевых ориентиров развития системы образования и соответствующих им механизмов управления отдельными образовательными организациями не теряют своей актуальности на протяжении почти трех десятилетий. Столь долгое сохранение неопределенности в сфере управления российским образованием связано с его затяжной адаптацией к рыночным принципам функционирования.

Анализ системы образования представляет значительную сложность в связи с их комплексностью, многоаспектностью. Обратимся к исследованию экономических аспектов проблем российского образования в плоскости взаимодействия образовательных организаций и бизнеса, используя элементы системного анализа (С. Л. Оптнер, С. Янг, Ю. И. Черняк), институциональной экономической теории (М. Олсон, Дж.-Ф. Нэш, Р. Коуз) и теории стейкхолдеров (Э. Фримен).

В советской плановой экономике государство фактически являлось единственным стейкхолдером (англ. *stakeholder* – заинтересованная сторона) системы образования, исполнявшим посредством различных управленческих структур как функции заказчика образова-

тельных услуг, так и их потребителя. Поэтому вопросы развития образования были исключительно внутригосударственными, предполагали согласование видения различных государственных инстанций между собой (например, Министерства высшего и среднего специального образования и отраслевых министерств СССР). Образовательные организации на местах реализовывали единую образовательную политику, руководствуясь директивами государственных структур.

В постсоветский период российское государство сохранило за собой функции единого заказчика образовательных услуг, но перестало выступать в роли их консолидированного потребителя в связи с приватизацией государственных активов и созданием частного сектора. В новых рыночных условиях домохозяйствам и фирмам была предоставлена возможность самостоятельного выражения своих интересов в сфере образования, создания новых моделей взаимодействия с образовательными организациями [1, с. 35]. Вместе с тем образовательные организации на фоне роста автономии, снижения государственного финансирования и отказа от директивного управления получили возможность самостоятельного

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-1-90-97

выбора механизмов поддержания своей деятельности, а также путей ее развития.

Как показывает история 1990-х гг., вопреки ожиданиям и прогнозам реформаторов новая конституция системы образования оказалась дисфункциональной. С одной стороны, новые акторы оказались не готовы к реализации новых функций в рыночной системе образования: образовательные стратегии домохозяйств (воспринимаемые ими как индивидуально оптимальные) строились вокруг престижных специальностей, которые в связи с избытком предложения вскоре перестали быть востребованными на рынке труда; стратегии фирм по повышению рентабельности своей деятельности рассматривали социальные расходы как наименее экономически эффективные, что привело к дистанцированию бизнеса и от системы подготовки кадров.

С другой стороны, образовательные организации получили крайне широкую автономию: она охватывала не только содержание реализуемых образовательных программ, но также определение структуры реализуемых программ, формирование контингента обучающихся, поиск внебюджетных источников финансирования. Большинство руководителей образовательных организаций, привыкшие к директивному управлению и четкой регламентации деятельности в советское время, оказались не готовы к использованию открывшейся перед ними свободе выбора, были парализованы ею [2, с. 332]. Для сферы профессионального образования ситуация осложнялась закономерными сложностями в восприятии сигналов рынка, что приводило к инерционности отраслевой структуры подготовки кадров. Таким образом, несистемная адаптация российского образования к рынку привела к формированию системных проблем.

Сложившаяся в результате реформ ситуация в плоскости взаимодействия системы образования и бизнеса может быть описана в терминах институциональной проблемы безбилетника. Каждой фирме выгодно существование системы образования (в особенности профессионального образования) так же, как и общественный транспорт необходим каждому его пассажиру. Кроме того, каждая фирма стремится минимизировать свои издержки на поддержание системы образования (до предельного уровня в виде налоговых отчислений) так же, как и каждый конкретный пассажир-оппортунист не стремится покупать билет, если присутствует возможность безнаказанного бесплатного использования общественного транспорта.

Путем разрешения закономерного противоречия интересов бизнеса в целом и каждой конкретной фирмы, как и в случае классической проблемы безбилетника, является создание институциональных механизмов, делающих оппортунистическое поведение экономически невыгодным. В качестве таких механизмов могут высту-

пать штрафные санкции со стороны объединений фирм, отстаивающих групповой интерес бизнеса, к своим членам, не придерживающимся общих правил игры. Однако это требует как наличия сильных объединений фирм, так и консенсуса в части понимания группового интереса бизнеса в сфере образования. Представляется, что в современной России имеются значительные сложности по обоим пунктам. Альтернативными являются механизмы по повышению индивидуальных выгод для каждой конкретной фирмы от взаимодействия с образовательными организациями. Например, в случае взаимодействия с профессиональным образованием таким механизмом может быть подготовка кадров под конкретные производственные технологии или рабочие места, что снижает затраты фирм на переобучение персонала, уменьшает текучесть кадров, повышает производительность труда.

Взаимодействие образование–бизнес: особенности концептуализации в России и за рубежом

В мировой практике сложилось множество специфических вариантов реализации партнерских отношений между образовательными структурами и бизнесом, которые, как правило, описываются с помощью термина *государственно-частное партнерство (public-private partnership)* (ГЧП). Для понимания изначального содержания данного термина необходимо помнить, что слово *public* в английском языке имеет более широкую трактовку, чем *государство, государственная власть*. *Public* охватывает как всю совокупность государственных институтов, которые реализуют властные полномочия, так и учреждения общественного сектора (образовательные, научные, культурные и др.).

При кажущейся однозначности термина ГЧП существует множество его определений. В определении, предложенном Всемирным банком, дается наиболее общая характеристика: «ГЧП – это соглашения между публичной и частной сторонами по поводу производства и оказания инфраструктурных услуг, заключаемые с целью привлечения дополнительных инвестиций и, что еще более важно, как средство повышения эффективности бюджетного финансирования»¹ [3, р. 7].

Как правило, в каждой стране мира существуют свои подходы к определению содержания ГЧП. Например, в США ГЧП рассматривается в качестве договора между государственной структурой и фирмой, дающего последней возможность участвовать в государственной собственности и исполнять функции, находящиеся к сфере компетенции государства². В Европейском Союзе отсутствует единое для всех государств-членов определение ГЧП, однако имеет место общность подходов: ГЧП трактуют здесь как одну из форм кооперации между государством и бизнесом, которая обеспечивает финансирование,

¹ Перевод автора.

² Report to Congress on Public-Private Partnerships. Washington: US Department of Transportation, 2004.

создание или модернизацию, управление или эксплуатацию инфраструктуры, а также оказание услуг³.

При всех различиях рассмотренных определений, согласно позиции Комитета по научной и технологической политике Организации экономического сотрудничества и развития, существуют важные признаки, позволяющие дифференцировать ГЧП и другие формы взаимодействия государства и бизнеса. Соответственно, для отнесения взаимодействия к ГЧП должны существовать следующие условия:

а) среди участников должны присутствовать как частные, так и государственные структуры;

б) взаимоотношения участников должны являться равноправными;

в) взаимоотношения участников должны быть зафиксированы документально, например, в рамках контрактов, договоров и т.п.;

г) участники должны иметь общие цели, которые являются основой для объединения их усилий;

д) взаимоотношения предполагают не только получение и использование совместных результатов, но и распределение расходов и рисков между участниками⁴.

В российской практике ГЧП как заимствованный термин получил как узкую, так и широкую трактовки. В широком смысле ГЧП рассматривается как своего рода принцип, подход к взаимодействию государства и бизнеса:

– определенное качество взаимоотношений государственного и частного секторов, которое обеспечивает необходимую социально-экономическую эффективность использования вовлеченных ресурсов и производственного потенциала [4];

– альянс между государством и бизнесом в целях реализации проектов, являющихся общественно значимыми [5].

В узком смысле ГЧП, как правило, трактуется в России как «юридически закреплённая форма взаимодействия между государством и частным сектором в отношении объектов государственной и муниципальной собственности, а также услуг, исполняемых и оказываемых государственными и муниципальными органами, учреждениями и предприятиями, в целях реализации общественно значимых проектов» [6, с. 18]. Подобное понимание ГЧП в конечном итоге получило законодательное закрепление в России⁵.

Таким образом, ключевой чертой ГЧП является консолидация частных и государственных ресурсов. Следует отметить, что трактовка ГЧП как специфической формы взаимодействия государства и бизнеса ограничивает потенциальные области такого взаимодействия: они могут лежать в широком спектре отраслей – от промышленности до научных исследований и образования. Однако в развитых странах прослеживается тенденция к увеличению числа государственно-частных проектов именно в инфраструктурных отраслях, в том числе и в областях социальной инфраструктуры (образовании, здравоохранении).

Наряду с ГЧП для характеристики особой формы взаимодействия государства и бизнеса также используется термин *социальное партнерство*. Данный термин утвердился, прежде всего, именно в российской науке, общественной практике и официальных документах. Как и в случае с ГЧП, социальное партнерство имеет узкую и расширительную трактовки. Наиболее распространенной при этом является узкая трактовка, ограничивающая социальное партнерство областью трудовых отношений. Она закреплена в ст. 23 Трудового кодекса РФ: «социальное партнерство в сфере труда – система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений»⁶. В России потребность в разработке такого механизма в сфере трудовых отношений была обусловлена реформированием экономики, переходом к рынку.

Социальное партнерство в расширительной трактовке представляет собой систему взаимоотношений некоммерческих организаций, объединений бизнеса, органов государственной власти и местного самоуправления, направленную на согласование и защиту интересов различных социальных и профессиональных групп. Социальное партнерство реализуется в форме социального диалога сторон, направленного на выработку консенсуса по представляющим взаимный интерес вопросам [7].

Таким образом, понятия *государственно-частное партнерство* и *социальное партнерство* являются во многом синонимичными (таблица)⁷.

³ Green Paper on Public-Private Partnerships and Community Law on Public Contracts and Concessions. Режим доступа: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/94a3f02f-ab6a-47ed-b6b2-7de60830625e/language-en> (дата обращения: 20.04.2018).

⁴ Public-private Partnership for Innovation: Policy Rationale, Trends and Issues. Organization for Economic Cooperation and Development. Paris: Headquarters, 2003.

⁵ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 20.07.2015. № 29. Ч. 1. Ст. 4350.

⁶ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1. Ч. 1. Ст. 3.

⁷ Составлено автором.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-1-90-97

Таблица. Соотношение основных характеристик понятий *государственно-частное партнерство* и *социальное партнерство***Table. Public-private partnership vs. social partnership**

Характеристика	ГЧП (в широком смысле)	ГЧП (в узком смысле)	Социальное партнерство (в широком смысле)	Социальное партнерство (в сфере труда)
Область взаимодействия	Не ограничена	Не ограничена	Не ограничена	Сфера труда
Субъекты взаимодействия	• Органы государственной власти и местного самоуправления • Государственные учреждения • Бизнес-структуры	• Органы государственной власти и местного самоуправления • Государственные учреждения • Бизнес-структуры	• Органы государственной власти и местного самоуправления • Государственные учреждения • Бизнес-структуры • Некоммерческие организации	• Работодатели и их представители • Работники и их представители • Органы государственной власти и местного самоуправления
Предмет взаимодействия	• Реализация общественно-значимых проектов и программ	• Реализация общественно-значимых проектов и программ, связанных с объектами государственной и муниципальной собственности	• Согласование и защита интересов различных социальных и профессиональных групп, государственных и негосударственных структур	• Согласование интересов работников и работодателей в сфере труда
Юридическая оформленность взаимодействия	Да	Да	Нет	Да

Учитывая особенности рассмотренных определений, формально взаимодействие образовательных организаций и бизнес-структур можно характеризовать и как ГЧП (в широкой или узкой трактовках), и как социальное партнерство (в широкой трактовке).

Применение данных терминов к сфере образования в современной России четко не регламентировано. Прежде всего, на это указывает отсутствие в Федеральном законе (ФЗ) от 25.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» характеристик допустимого взаимодействия образовательных организаций и бизнеса, в т.ч. имеющего форму партнерства. Однако согласно ст. 2 участниками отношений в сфере образования наряду с обучающимися, их родителями (законными представителями), педагогами, образовательными организациями, органами государственной власти и местного самоуправления выступают работодатели и их объединения. К сфере компетенции последних относится проведение оценки качества образования (например, в форме профессионально-общественной аккредитации образовательных программ), при этом явные указания на иные

формы участия работодателей в функционировании сферы образования не прослеживаются.

Контуры изменений российской системы координат взаимодействия образование–бизнес

Первоначально в постсоветской России (1991–2010) взаимодействие образовательных организаций и бизнеса преимущественно описывалось термином *социальное партнерство*. Хотя его формальная фиксация в нормативно-правовых актах (например, в Законе РФ от 10.07.1992 № 3266-I «Об образовании») отсутствовала, термин широко использовали государственные и бизнес-структуры⁸. В дальнейшем (с 2010 г. по настоящее время) при характеристике партнерских взаимодействий образовательных организаций и бизнеса в подготовке квалифицированных кадров термин *социальное партнерство* постепенно уступает место термину *государственно-частное партнерство*. Например, в «Стратегии развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2020 года» указывается, что «развитие

⁸ Программа развития среднего профессионального образования России на 2000–2005 годы. Утверждена приказом Минобрнауки РФ от 01.02.2000 № 305 (в ред. приказов Минобрнауки РФ от 10.05.2001 № 2015, от 09.09.2002 № 3242); Об обеспечении социального партнерства системы среднего профессионального образования. Письмо Минобрнауки РФ от 21.11.2003 № 19-52-1130/19-28.

получат механизмы государственно-частного партнерства образовательных организаций, организаций реального сектора экономики и социальной сферы; механизмы участия работодателей в решении задач обеспечения квалифицированными кадрами предприятий (организаций) за счет использования различных форм государственно-частного партнерства»⁹.

Переход к приоритетному использованию термина *государственно-частное партнерство* формально завершился с принятием ФЗ от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Важно подчеркнуть, что современная российская практика применения термина *государственно-частное партнерство* к сфере образования неоднозначна. При этом четкая фиксация содержания данного термина имеет не только научно-академический интерес – она необходима для управления партнерскими отношениями (в т.ч. и на уровне образовательной организации).

С одной стороны, существует подход к использованию ГЧП как зонтичного понятия, т. е. понятия, охватывающего все конкретные формы взаимодействия образовательных организаций и бизнеса, в т.ч. не подпадающие под нормативно-закрепленное определение ГЧП (например, *благотворительность*). Такого подхода, например, придерживаются исследователи Института образования Высшей школы экономики¹⁰, относящие к ГЧП-контрактам:

- соглашения о стратегическом партнерстве между администрацией региона и отдельными образовательными организациями;
- соглашения о взаимодействии между администрацией региона и отдельной фирмой;
- трехсторонние соглашения между администрацией региона, фирмами и образовательными организациями;
- договоры и соглашения между несколькими образовательными организациями и др.;
- благотворительную помощь образовательной организации со стороны некоммерческой организации и др.

Существование данного подхода указывает на объективную необходимость концептуализации партнерских отношений в сфере образования как таковых. В целом такой подход удобен для практического использования, поскольку здесь отсутствует необходимость в классификации форм партнерских отношений – любое взаимодействие субъектов отношений в сфере образования считается ГЧП. Его недостатком является расширение юридически закрепленного понятия ГЧП, сопровождающееся размыванием критериев партнерских отношений.

Противоположным является подход, отделяющий ГЧП от других форм взаимодействия сферы образования с бизнес-структурами. Например, член-корреспондент Российской академии образования А. Н. Лейбович выделяет три основных вектора взаимодействия образования и бизнеса:

- *благотворительность* – взаимодействие, в рамках которого бизнес-структура передает определенные ресурсы образовательной организации, при этом не имея юридических обязательств получить что-либо взамен;
- *социальное партнерство* – взаимодействие для создания механизмов регулирования в сфере подготовки кадров, выходящих далеко за пределы интересов конкретной бизнес-структуры (например, разработка профессиональных стандартов, создание региональных советов по развитию профессионального образования);
- *государственно-частное партнерство* – совместная реализация проектов в сфере образования, включающая как привлечение финансовых ресурсов (как правило, со стороны бизнес-структуры), и использование активов, принадлежащих государству (зданий, сооружений, оборудования, неимущественных прав) [8].

По нашему мнению, терминологический дрейф в сторону ГЧП в области концептуализации взаимодействия образования и бизнеса в России указывает на трансформацию представлений о сущности такого взаимодействия. Так, в случае социального партнерства акцент делается на социальных функциях бизнеса, что предполагает преимущественно *этическое* обоснование необходимости участия бизнеса, в том числе и в поддержке системы образования. ГЧП предполагает четкое описание области взаимодействия, а также фокусируется на индивидуальных выгодах и издержках конкретных контрагентов – т.е. строится на *экономическом* обосновании партнерских отношений.

Этический подход к взаимодействию образования и реального сектора экономики, выстраиванию отношений социального партнерства в виде шефства предприятий над образовательными организациями [9] был адекватен для социалистической экономической модели. Черты такого рода взаимодействия между ними могут присутствовать и в условиях развитой рыночной экономики, однако в его основе будут лежать не столько этические нормы, сколько механизмы экономического принуждения бизнеса к социально ответственному поведению. В условиях относительно неразвитого рынка вряд ли можно уповать на социальную ответственность бизнеса, в том числе из-за отсутствия соответствующих институциональных механизмов. Поэтому единственно возможной основой взаимодействия образования и бизнеса

⁹ Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации до 2020 года. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/board/319/file/2293/13.06.17-Стратегия.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

¹⁰ Dydurev F. F., Shabalin A. I. Analysis PPP contracts from Russia. Режим доступа: [https://ioe.hse.ru/data/2017/07/14/1170980462/Spb%20Shabalin%20-%20eng%20\(2\).pptx](https://ioe.hse.ru/data/2017/07/14/1170980462/Spb%20Shabalin%20-%20eng%20(2).pptx) (дата обращения: 20.04.2018).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-1-90-97

в таких условиях становится создание индивидуальных выгод для обеих сторон. Это представляется актуальным и применительно к России.

Для отечественной системы профессионального образования выгоды от взаимодействия с бизнесом очевидны. Государственное финансирование покрывает лишь часть рациональных потребностей образовательных организаций, что не всегда обеспечивает даже простое воспроизводство их деятельности [10]. Дополнительное внебюджетное финансирование, получаемое от реализации совместных образовательных проектов с бизнесом, могло бы стать источником для перехода системы образования к расширенному воспроизводству и содержательному обновлению.

Для российского бизнеса, в особенности крупного, очевидны издержки, связанные с низким качеством подготовки кадров в рамках системы образования: затраты на переобучение персонала, невозможность расширения производства в связи с отсутствием кадров соответствующей квалификации на рынке труда, снижение производительности труда и др. При этом бизнес по-прежнему не рассматривает образовательные организации в качестве партнеров, путем взаимодействия с которыми возможно минимизировать данные издержки. Так, например, для профессиональных образовательных организаций (ПОО) основным источником средств (более 83 %) остаются региональные и иные бюджеты, а на долю внебюджетных источников приходится не многим более 16 % средств, при этом доля средств организаций в структуре доходов ПОО на протяжении последнего десятилетия никогда не превышала 4,7 % (в 2015 г. – 3,9 %) ¹¹. Предприятия не вкладывают средства в колледжи и техникумы, а напротив, стремятся создать собственную образовательную инфраструктуру, например, в виде учебных центров [11].

Если не учитывать возможности радикальных социально-экономических изменений, то сложившаяся патовая ситуация в области партнерства образования и бизнеса может быть разрешена лишь путем перехода на рыночные принципы взаимодействия за счет создания индивидуальных выгод. Одним из наиболее удачных примеров такого рода взаимодействия является дуальная модель обучения, предполагающая совместную реализацию профессиональных образовательных программ: теоретическое обучение в образовательной организации, практическое – в организации работодателя. Построение образовательного процесса в дуальной форме существует во многих странах, однако наиболее известной считается немецкая дуальная модель. В рамках дуального обучения в Германии прием обучающихся ведут не образовательные организации, а организации работодателей. Последние заинтересованы в мотивации обучающихся к закреплению на рабочем месте, поэтому в рамках обучения особое внимание уделяется условиям обучения и профессиональной деятельности в целом – корпоративной культуре.

В России развитие дуального обучения было инициировано Агентством стратегических инициатив в рамках проекта «Подготовка рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологичных отраслей промышленности, на основе дуального образования» (2013–2015). Основная установка для 10 пилотных регионов, участвовавших в проекте, заключалась в том, что дуальное обучение не может ограничиваться локальными взаимодействиями образовательной системы и работодателей, а требует внедрения ряда механизмов на региональном уровне. Однако, как показал опыт реализации проекта, существование институциональных механизмов не гарантирует автоматического расцвета взаимодействия образования и бизнеса в регионе.

Хотя российские кейсы дуальных практик существуют (например, ООО «ФольксвагенГрупп Рус» и Калужский колледж информационных технологий и управления, ООО «КП НПО "Сатурн"» и Рыбинский промышленно-экономический техникум), пока они являются скорее исключением, чем правилом в сфере ГЧП [9]. Представляется, что барьеры развития лежат в экономической плоскости, ведь дуальная модель не только повышает индивидуальные выгоды бизнес-партнера от целевой подготовки кадров, но и существенно увеличивает его издержки. Большинство российских работодателей пока не готовы признать объективное положение дел в системе профессионального образования в России: имеющихся государственных ресурсов не вполне хватает даже для формирования кадрового резерва экономики, не говоря о подготовке кадров для конкретных рабочих мест.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в настоящее время меняется понятийный аппарат взаимодействия образования и бизнеса в России, трансформируются его концептуальные основания. Для повышения эффективности реальных практик взаимодействия необходим пересмотр подходов к выстраиванию партнерских отношений как со стороны бизнеса, так и со стороны образования. Для образовательных организаций это означает, что они должны воспринимать себя как бизнес-структуру. Речь идет не о пресловутой коммерциализации образования, а о взаимодействии с бизнесом на паритетных началах, реализации взаимовыгодных с экономической точки зрения образовательных практик. В свою очередь, бизнес сможет ответить взаимностью только при наличии у него потребности в квалифицированных кадрах, которая напрямую связана с расширенным воспроизводством экономической деятельности. Затраты на подготовку кадров должны рассматриваться бизнесом как инвестиции в свое развитие, а не как благотворительность. Для этого необходим отказ от представления о профессиональном образовании как о бесплатной услуге.

¹¹ Индикаторы образования 2017. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 320 с.

Литература

1. Руднева Е. А., Кочергин Д. Г. Независимая оценка качества образования и анализ ее результатов (на примере системы СПО Кемеровской области) // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 34–48.
2. Кириллов П. В. Государственная политика модернизации профессионального образования в России (конец 1980-х – 2005 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 535 с.
3. Delmon J. Private Sector Investment in Infrastructure: Project Finance, PPP Projects and Risk. The World Bank and Kluwer Law International, 2009. 640 p.
4. Фильченков В. А. Формирование государственно-частного партнерства в социальной сфере: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 26 с.
5. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 9. С. 41–50.
6. Варнавский В. Г., Клименко А. В., Королев В. А. Государственно-частное партнерство: теория и практика. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 287 с.
7. Кязимов К. Г. Социальное партнерство: практическое пособие по созданию корпоративного ресурса знаний юридического лиц. М.: Энас, 2008. 192 с.
8. Лейбович А. Н. Государственно-частное партнерство в системе профессионального образования // Аккредитация в образовании. Режим доступа: http://www.akvobr.ru/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo.html (дата обращения: 20.04.2018)
9. Блинов В. И., Есенина Е. Ю. Развитие среднего профессионального образования: сценарий и прогнозы // Профессиональное образование. Столица. 2015. № 3. С. 5–7.
10. Клячко Т. Л. Анализ финансовых потоков в системе профессионального образования // Финансовые аспекты реформирования отраслей социальной сферы. М.: ИЭПП, 2004. С. 176–182.
11. Абанкина И. В., Дудырев Ф. Ф., Фрумин И. Д., Шабалин А. И. Эволюция финансирования системы СПО: на пути к частно-государственному партнерству. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 28 с.

Partnership between the Education and the Business in Russia: Shifting of the Framework

Dmitry G. Kochergin ^{a, @, ID}

^a Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development, 38 A, Tuhachevskiy St., Kemerovo, Russia, 650070

@ dmitry887@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-5734-5566>

Received 14.11.2018. Accepted 17.01.2019.

Abstract: The process of adaptation of the Russian education system to the market principles was rather chaotic and resulted in a number of system problems. For instance, business organizations have distanced themselves from the education of qualified personnel on the basis of state educational institutions. The article features some results of a theoretical research of interaction between the state structures and firms, its specifics and prospects in the sphere of Russian education. The analysis showed that the term "social partnership" was replaced with the term "public-private partnership" as the main concept for interactions between education organizations and firms in Russia in the last 20 years. It reveals a transition from the ethical to the rational-economical argumentation of the participation of firms in the social sphere. In the absence of institutional mechanisms, the most effective model of interaction between educational institutions and firms seems to be the one based on individual economic profits for both sides.

Keywords: public-private partnership, social partnership, educational organization, free-rider problem, personnel training, vocational education, dual education

For citation: Kochergin D. G. Partnership between the Education and the Business in Russia: Shifting of the Framework. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(1): 90–97. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-1-90-97

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-1-90-97

References

1. Rudneva E. L., Kochergin D. G. The independent evaluation of education quality and the analysis of its results (the instance of Kemerovo region's professional education system). *Professional education in Russia and abroad*, 2017, (4): 34–48. (In Russ.)
2. Kirillov P. V. *State policy of professional education modernization in Russia (late 1980–2005)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2007, 535. (In Russ.)
3. Delmon J. *Private Sector Investment in Infrastructure: Project Finance, PPP Projects and Risk*. The World Bank and Kluwer Law International, 2009, 640.
4. Filchenkov V. A. *The shaping of public-private partnership in social sphere*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2008, 26. (In Russ.)
5. Varnavsky V. G. Public-private partnership: some issues of theory and practice. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2011, (9): 41–50. (In Russ.)
6. Varnavsky V. G., Klimenko A. V., Korolev V. A. *Public-private partnership: theory and practice*. Moscow: GU VSHE, 2010, 287. (In Russ.)
7. Kyazimov K. G. *Social partnership. Manual for the creation of corporate knowledge resource of a legal entity*. Moscow: Enas, 2008, 192. (In Russ.)
8. Leybovich A. N. Public-private partnership in the system of vocational education. *Accreditation in education*. Available at: http://www.akvobr.ru/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo.html (accessed 20.04.2018).
9. Blinov V. I., Esenina E. Yu. Development of secondary vocational education: scenario and forecasts. *Professionalnoe obrazovanie. Stolitsa*, 2015, (3): 5–7. (In Russ.)
10. Klyachko T. L. *Analysis of financial flows in the system of vocational education. Financial aspects of reforming the social sphere*. Moscow: IEPP, 2004, 176–182. (In Russ.)
11. Abankina I. V., Dudyrev F. F., Frumin I. D., Shabalin A. I. *Evolution of the financing of the second vocational education system: on the way to public-private partnership*. Moscow: NIU VSHE, 2017, 28. (In Russ.)